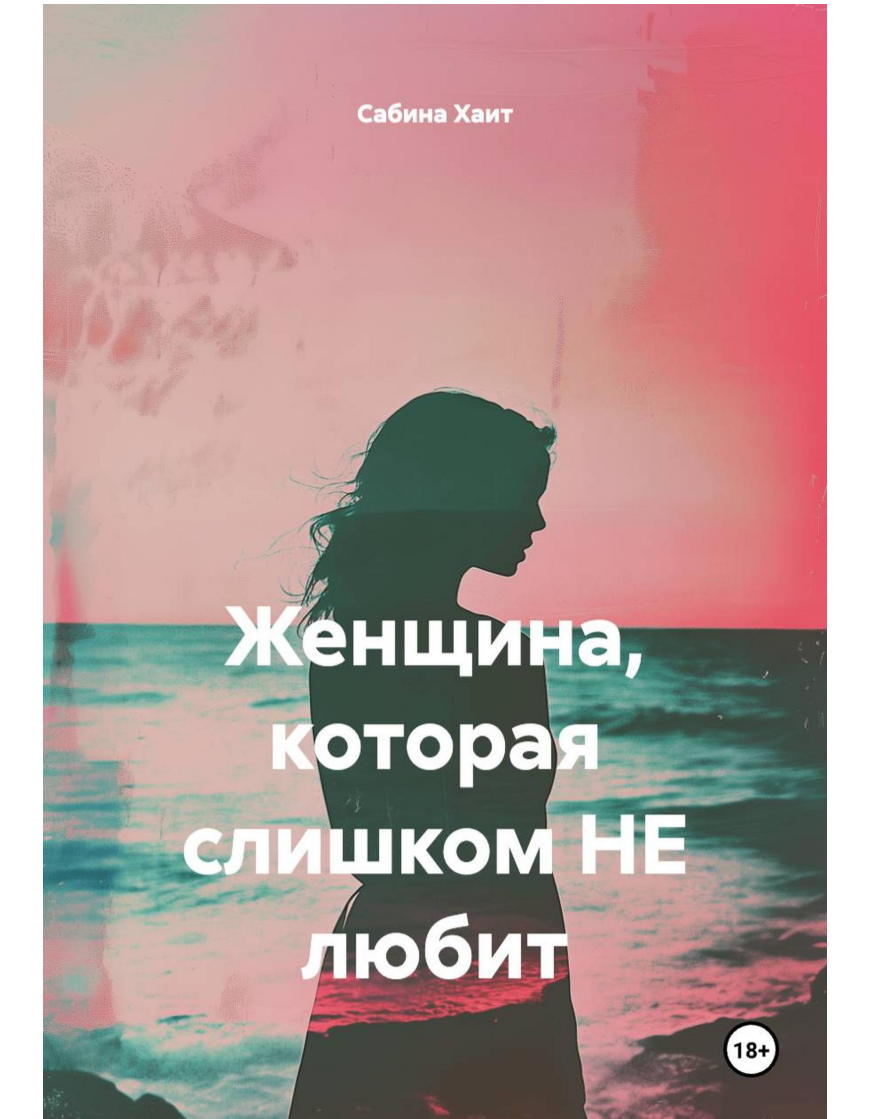

The background of the cover is a photograph of a woman's silhouette standing on a rocky shore, looking out at the ocean under a vibrant sunset sky. The colors are a mix of deep reds, oranges, and blues. The woman's hair is blowing in the wind.

Сабина Хаит

**Женщина,
которая
слишком НЕ
любит**

18+

Сабина Хаит
Женщина, которая
слишком НЕ любит

<https://litres.ru/74388103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Женщина, которая не умела любить» — это не просто психологическая драма. Это исследование души, которая отказалась от любви, чтобы не чувствовать боли, и которая через потерю и отчаяние приходит к единственно возможному спасению.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сабина Хаит

Женщина, которая слишком НЕ любит

Глава

Женщина, которая слишком НЕ любит

Пролог: Сон о двери

Она просыпалась от этого сна столько раз, что перестала считать. Но каждый раз он возвращался — не как воспоминание, а как дыхание, как чужая рука, которая касается лица в темноте. Ей снилась дверь. Не та, что вела в комнату, и не та, что выходила в сад, а та, что была границей между миром, где её ждали, и миром, куда она не могла войти. Высокая, тёмная, с облупившейся краской, которую она знала на ощупь с детства — каждый скол, каждую трещину, каждый слой старой олифы, за которой пряталось дерево, хранящее тепло её ладоней.

Во сне она стояла перед ней босая, в ночной рубашке, с

плюшевым медведем под мышкой. Он был когда-то белым, потом серым от времени, и его левое ухо было пришито криво. Она слышала за дверью шаги — лёгкие, почти танцующие, как будто тот, кто уходил, не чувствовал тяжести прощания. Шаги удалялись, растворялись в тишине, оставляя только запах маминых духов и чувство, что её забыли.

Она знала, что за дверью — мама, которая снова уходит в свою другую жизнь, ту, где не было места для дочери, где не было ни медведя, ни облупившихся дверей, а только вечера в веселых компаниях, духи и обещания, которые не нужно было выполнять. Но во сне она не плакала. Она была взрослой, как сейчас, и она знала, что если откроет дверь, то увидит не маму, а ту самую девочку, которую она оставила у двери много лет назад. Ту девочку, которая так и не научилась просить, потому что просьбы только делают боль громче.

И она боялась не мамы — она боялась себя. Потому что во сне дверь всегда открывалась, и за ней был монстр. Монстр с её собственными глазами, с её собственной болью, с её собственным голосом, который шептал с той же интонацией, с какой она сейчас говорит с мужчинами: «Ты тоже уходишь. Ты тоже оставляешь. Ты хуже мамы, потому что ты знаешь, как это — быть оставленной, и всё равно делаешь то же самое. Ты слышишь, как стучит сердце той девочки, которую ты заперла за дверью? Оно стучит громче, чем твоё

собственное, потому что она всё ещё верит, что её услышат. А ты уже не веришь».

Она просыпалась в холодном поту, в темноте комнаты, которая была ей чужой, и долго не могла понять, где она — в своей постели, в чужой квартире, в гостинице, куда она приехала на одну ночь, чтобы убежать от очередного мужчины. Она слышала стук в ушах — тот самый звук, которым она стучала в дверь, когда была маленькой. Теперь этот стук был не громким, он был тихим, упрямым, как напоминание, которое нельзя заглушить. И каждый раз ей казалось, что этот стук — не её. Что это монстр стучится изнутри, требуя, чтобы она наконец открыла, чтобы она наконец посмотрела ему в глаза и сказала: «Я помню тебя. Я знаю, что ты — это я».

Она садилась на постель, проводила рукой по обритой голове и чувствовала, как под пальцами — только кожа, только кость, только тишина. Она думала: «Если я открою эту дверь, я увижу ту, кого боялась всю жизнь. И я не знаю, смогу ли выдержать её взгляд». Но она также знала, что если она не откроет её, она будет слышать этот стук до самой смерти. И в этом была её трагедия — она не могла ни войти, ни уйти.

Часть I: Девочка у двери

Глава 1: Первая ложь

Первую свою большую ложь она придумала в выпускном классе, когда экзамены стояли перед ней как стена, которую нужно было перепрыгнуть любой ценой. Она была не глупой — она была ленивой. Она знала, что могла бы выучить всё за неделю, если бы захотела. Но она не хотела. Она хотела, чтобы мир сжалился над ней, чтобы он открыл перед ней двери, не требуя ключей. Она хотела, чтобы её взяли на руках, как бабушка брала её в детстве, когда она плакала у двери, за которой исчезала мама.

Это была осень, когда ветер срывал листья с деревьев, и они кружились в воздухе, как обрывки чужих писем. Катя сидела в школьном коридоре на подоконнике, смотрела на этот листопад и думала о том, что её мама — жива, здорова и, вероятно, в этот самый момент собирается на очередную вечеринку. Она думала о том, что могла бы сказать правду, но правда никогда не открывала дверей. Правда только закрывала их. Правда говорила: «Ты не нужна. Ты — обуза. Ты — та, которую оставляют». А ложь говорила: «Ты — жертва. Ты — та, кого нужно спасти». И Катя выбирала ложь, потому что ложь была теплее.

Она вошла в кабинет директора, где пахло старыми бума-

гами и казённым деревом, села напротив женщины с острым лицом и тонкими губами и заплакала. Не громко, не истерично — тихо, с той сдержанной болью, которая всегда выглядит искренней. Она не знала, откуда у неё это умение — плакать без причин, выдавливать слёзы, которые выглядели как настоящие. Может быть, она научилась этому у мамы, которая могла улыбаться, даже когда ей было больно. Только Катя научилась плакать, даже когда ей было всё равно.

— Моя мама умерла, — сказала она, и голос её дрожал, как стрелка компаса перед бурей. — Три месяца назад. Рак. Всё было так быстро, так неожиданно... Я не успела сказать ей, как я её люблю. Я не хочу, чтобы учителя знали, я не хочу жалости... но я просто не могу сосредоточиться. Экзамены так близко, а я... я боюсь, что не справлюсь.

Директор смотрела на неё, и её лицо, которое обычно было твёрдым, как гранит, начало смягчаться. Катя видела это — как тени становятся мягче, как складки на лбу разглаживаются. Она знала, что это работает. Она знала, что любой человек, который слышит о смерти матери, особенно о раке, особенно о неожиданной боли, перестаёт видеть факты и начинает видеть только слёзы.

— Боже мой, Катя... — директор протянула руку и накрыла её ладонь своей. Её пальцы были холодными, сухими,

но Катя чувствовала, как они дрожат — не от жалости, а от неловкости, от того, что она не знала, что сказать. — Почему ты не сказала раньше?

— Я не хотела, чтобы ко мне относились иначе, — сказала Катя, и слёзы текли по её щекам, каждая капля была отрепетирована, каждая пауза выверена. — Я не хочу, чтобы учителя думали, что я слабая. Я хочу сдать экзамены, как все. Но я просто не могу... я вижу её лицо каждую ночь.

Директор кивнула, и Катя увидела, как она сглотнула — в её горле что-то дрогнуло, как будто она сама боролась со слезами. Катя знала, что эта женщина потеряла мужа пять лет назад, и она видела, как её плечи опускаются под тяжестью чужой боли, которую она принимала за свою.

— Мы поможем тебе, Катя. Учителя будут к тебе снисходительны. Мы всё понимаем. Но я хочу поговорить с твоей бабушкой...

— Нет! — Катя подняла глаза, и в них был страх — не притворный, а настоящий, потому что она не могла позволить бабушке узнать правду. — Пожалуйста, не надо. Бабушка в очень плохом состоянии. Она едва держится. Она не знает, что я здесь, что я разговариваю с вами... если она узнает, что я прошу помощи, она... она может не выдержать. Я не

хочу её расстраивать. Пожалуйста, пусть это останется между нами.

Директор посмотрела на неё с той мягкостью, которую Катя научилась вызывать, как фокусник — белый кролик из шляпы. Она кивнула, и Катя вышла из кабинета. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, как крышка шкатулки, в которой она прятала свои тайны.

Она вытерла слёзы, которые уже начали высыхать, и улыбнулась той улыбкой, которую никто не видел. Она знала, что экзамены будут сданы. Она знала, что учителя будут ставить ей пятёрки за сочинения, которые она писала за час до сдачи. Она знала, что она победила.

Но уже ночью, лёжа в постели, она почувствовала странную тяжесть. Не вину — она никогда не чувствовала вины. Она чувствовала только холодное, липкое чувство, которое невозможно было стряхнуть. Она смотрела в потолок и думала о директоре, о её руке, которая дрожала, о её глазах, которые наполнились болью. Она думала: «Я использовала её. Я использовала её горе, чтобы получить то, что хочу. Я стала той, кого боялась — той, кто использует людей, как мама использовала мужчин». Но она не чувствовала раскаяния. Она чувствовала только странное удовлетворение, как будто она наконец-то научилась играть по-крупному.

Она спустилась вниз, на кухню, где бабушка всё ещё сидела за столом, перебирая старые фотографии. Бабушка подняла на неё глаза, и в них была та же боль, которую Катя видела, когда мама уходила на вечеринки.

— Катюша, — сказала бабушка, и голос её был тихим, как шёпот. — Ты что-то скрываешь от меня?

Катя села напротив, взяла её руки в свои и почувствовала, как они дрожат — как дрожат руки старого человека, который чувствует, что его обманывают, но не хочет знать правду.

— Бабушка, — сказала она, и голос её был мягким, как шёлк. — Если кто-нибудь будет спрашивать о маме... пожалуйста, не говори, что она жива. Я сказала в школе, что она умерла. Мне нужно было это сделать. Пожалуйста, не выдавай меня.

Бабушка смотрела на неё долгим взглядом. Она молчала несколько секунд, и в этой тишине Катя слышала, как тикают старые часы на стене, как за окном шуршит ветер. Потом бабушка медленно кивнула и прошептала:

— Хорошо, Катюша. Я скажу, что ты хочешь. Я всегда

говоря, что ты хочешь.

Катя обняла её и почувствовала, как бабушкины руки сжимают её плечи, как они пытаются удержать её, как они боятся, что она уйдёт, как мама. Она знала, что бабушка не выдаст её. Она знала, что бабушка будет молчать, даже если это сломает её. И она использовала эту любовь, как использовала всё остальное, — как инструмент, как оружие, как ступеньку.

Она думала о том, что эта ложь прилипла к ней, как вторая кожа, и что снять её будет больнее, чем носить. Она думала о том, что если она продолжит врать, она станет той, кого боится. Но она не могла остановиться. Потому что правда не защищает. А ложь — защищает.

Глава 2: Бабушкин дом

Бабушка пахла блинами и терпением. Её руки были тёплыми, сухими, с натруженными пальцами, которые помнили не только тесто, но и все Катины слёзы. Бабушка была единственным человеком, который никогда не спрашивал «зачем» и никогда не говорил «нет». Она была той стеной, о которую разбивались все упрёки, все наказания, все попытки мира сделать Катю «как все».

Но стена эта была не каменной — она была тёплой, как печь, в которой пеклись пироги, как одеяло, в которое Катя укутывалась зимой. Бабушка не защищала её от мира — она защищала её от правды. Она оттаскивала её от двери, когда мама уходила, не потому что хотела, чтобы Катя забыла, а потому что она знала: если Катя будет стоять у двери слишком долго, она навсегда останется у двери, и никто не сможет её оттуда забрать.

Бабушка была высокой, с седыми волосами, которые она заплетала в тугую косу, и с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то новому. Она носила старые платья, которые штопала по ночам, и никогда не жаловалась на усталость, даже когда ей было тяжело. Катя часто просыпалась ночью и видела её сидящей за столом при тусклом свете настольной лампы, с иглой в руках, с тишиной в глазах.

— Бабушка, — сказала Катя однажды, когда ей было двенадцать. — Ты когда-нибудь была счастлива?

Бабушка подняла глаза и посмотрела на неё долгим взглядом. Катя видела, как её руки дрогнули, как игла на мгновение замерла в воздухе.

— Была, Катюша, — сказала бабушка, и голос её был мягким, как шерсть старого пледа. — Когда ты родилась. Когда я держала тебя в руках и видела, что ты есть, что ты жива, что ты дышишь. В тот момент я была счастлива.

Катя смотрела на неё и не понимала. Она не понимала, как можно быть счастливой, просто держа кого-то в руках. Она думала, что счастье — это когда есть деньги, когда есть любовь, когда есть кто-то, кто не уходит. Но бабушка говорила о другом. Она говорила о том, что счастье — это просто быть, просто чувствовать, что ты не одна.

— А ты боишься, бабушка? — спросила Катя.

Бабушка отложила иглу и посмотрела на неё с той особенной мягкостью, которая появлялась у неё только по ночам.

— Боюсь, — сказала она. — Я боюсь, что ты станешь такой же, как твоя мама. Я боюсь, что ты научишься прятаться за дверями и будешь ждать, пока кто-то откроет их. Я боюсь, что ты никогда не научишься открывать их сама.

Катя не поняла этих слов тогда. Она не поняла, что бабушка говорит о её будущем, о том, что она станет женщиной, которая будет прятаться за масками и ролями. Она не поняла, что бабушка видит её такой, какой она станет через

годы, и что эта боль — боль предвидения — была тяжелее, чем любая усталость.

Бабушка не учила Катю ответственности. Она учила её тому, что она всегда может положиться на кого-то, что мир смягчится, если правильно попросить. Она покупала ей игрушки, даже когда денег не было — она занимала у соседей, продавала свои золотые серёжки, отдавала последнее. Она никогда не говорила: «Ты уже большая, делай сама». Она говорила: «Пусть Катюша отдохнёт, она устала» — и Катя отдыхала, пока бабушка стирала, гладила, готовила.

Когда Катя в пятом классе разбила окно в школе, бабушка заплатила за стекло и принесла извинения, а Катя стояла за её спиной и чувствовала, как её защищают, как её любят, как ей всё прощают. Она не чувствовала благодарности — она чувствовала только облегчение. Облегчение от того, что её не наказали. Облегчение от того, что ей не пришлось признаваться.

Когда Катя потеряла форму, бабушка сшила новую за одну ночь. Она сидела за швейной машинкой, и Катя слышала, как игла стучит по ткани, как бабушка поёт тихую песню, которую она пела когда-то своей дочери. Катя не понимала тогда, что эта песня — о потере. О том, что бабушка потеряла мужа на войне, потеряла дочь из-за мужчины, и теперь

боится потерять внучку.

Однажды, когда Катя была старшеклассницей, она увидела, как бабушка стоит у окна и смотрит на улицу. В её руках была старая фотография — мама в выпускном платье, с улыбкой, которую Катя не узнавала.

— Ты скучаешь по ней? — спросила Катя.

Бабушка не обернулась. Она смотрела на фотографию и молчала, и в этой тишине было больше слов, чем в любом разговоре.

— Каждая мать скучает по своей дочери, — сказала бабушка. — Даже если эта дочь больше не приходит.

Катя стояла рядом и чувствовала, как бабушкина боль проникает в неё, как вода проникает в трещины в сухой земле. Она не знала, что сказать. Она не знала, как утешить её. Она просто стояла рядом и молчала.

В ту ночь она снова слышала, как бабушка поёт тихую песню. И она поняла, что бабушка поёт не о любви — она поёт о надежде. О том, что она надеется, что Катя не станет такой, как мама. О том, что она надеется, что Катя найдёт свой путь, даже если она не сможет показать ей его.

Но она не показала ей пути. Она научила её только тому, как прятаться от боли — в еде, в объятиях, в молчании. И когда бабушка умерла, Катя осталась одна с этим знанием. Одна с его проклятием.

Глава 3: Мама и «Поплавок»

Катя не помнила маму улыбающейся. Она помнила только, как мама исчезает — как туман, как дым, как обещание, которое никто не собирается выполнять. Иногда мама возвращалась под утро, и в доме пахло духами и чужими головами. Иногда она не возвращалась несколько дней, и тогда дом становился ещё тише, чем обычно, как будто его покинула даже тень.

Мама была красивой — слишком красивой для маленького города, где все знали друг друга, и никто не мог спрятаться. Она красила волосы в медный цвет, носила платья, которые привозила из Москвы, и улыбалась так, что все мужчины в округе хотели быть с ней, а все женщины хотели быть ею. Катя смотрела на неё и чувствовала, как между ними вырастает стена — не из кирпича, а из стекла. Она видела маму, но не могла до неё дотронуться.

Она помнила тот вечер, когда ей было семь. Она проснулась от шума в коридоре. Свет пробивался из-под двери, и она слышала, как мама говорит по телефону — тихо, но с той интонацией, которая была у неё только перед вечером, если они с подружками шли в кафе «поплавок» на озере в парке городском. Катя встала, надела тапочки и вышла из комнаты. Она стояла в дверях и смотрела, как мама стоит перед зеркалом, поправляет причёску, красит губы помадой того самого оттенка, который потом будет преследовать Катю во сне.

— Мама, — сказала Катя, и голос её дрожал, как струна, которую тронули слишком сильно, — ты опять уходишь?

Мама обернулась. Она смотрела на Катю, и её глаза были пустыми, как зимнее небо. В них не было ни любви, ни раздражения, ни тепла — только усталость человека, который слишком долго смотрит на себя в зеркало и не видит там никого.

— Тише, Катюша, — сказала мама, и голос её был мягким, как вата, но в нём была сталь, которую Катя чувствовала, даже не понимая слов. — Я скоро вернусь. Бабушка с тобой останется. Будь умницей.

Катя стояла в коридоре и смотрела, как мама накидывает пальто, как её туфли стучат по паркету — ритмично, как мет-

роном, отмеряющий время до её возвращения, — как дверь закрывается за ней, отрезая звук её шагов. Катя знала, что нужно бежать за ней, звать, плакать. Но она уже знала, что это бесполезно. Мама не вернётся, пока не закончится ночь, и даже тогда она вернётся только для того, чтобы снова уйти.

Катя подошла к двери и прижалась к ней лбом. Дерево было холодным, и она слышала, как мама спускается по лестнице, как хлопает входная дверь, как заводится машина. И в этот момент она хотела заплакать — но вместо слёз у неё внутри образовалась та пустота, которую она потом научилась заполнять деньгами, мужчинами и алкоголем. Пустота была тёплой, как одеяло, и холодной, как лёд, одновременно. Она была её первой подругой.

Она лежала в постели, смотрела в потолок и думала о маме, которая ушла, как уходит всегда. Она представляла, где мама сейчас — в ресторане, в чужой квартире, в чужой постели, с чужим мужчиной, который улыбается ей так же, как улыбаются все мужчины, когда хотят что-то получить. Она думала о том, что мама никогда не была с ней — даже когда она была дома. Она была здесь, но её не было. Она была как тень, которая падает на стену, но не может согреть.

Катя спустилась на кухню, где бабушка всё ещё сидела при тусклом свете. Она стояла у плиты, и чайник уже кипел. Она

налила Кате молока и поставила перед ней чашку. Катя смотрела на чашку и думала о том, что бабушка всегда рядом, всегда делает что-то, всегда говорит. Но она не может заменить маму. И она не понимает, почему мама уходит.

— Бабушка, — сказала Катя, и голос её был тихим. — Почему мама не любит нас?

Бабушка замерла. Катя видела, как её руки дрогнули, когда она держала чашку. Она смотрела на Катю долгим взглядом, и в её глазах была та боль, которую Катя не умела читать.

— Мама любит тебя, Катюша, — сказала бабушка, и голос её был мягким, но в нём слышалась сталь, выкованная годами потерь. — Она просто не умеет показывать это. Она не знает, как быть близкой. Она ищет то, что потеряла, и не может найти.

Катя не поняла тогда этих слов. Она не поняла, что мама тоже когда-то стояла у двери, как она, и ждала, когда кто-то откроет. Она не поняла, что мама боится любви, потому что любовь — это ловушка, из которой нельзя выйти, не сломавшись. Она не поняла, что мама — это будущее, которое она строит, копируя её, даже не подозревая об этом.

Она заснула на кухне, уткнувшись в бабушкино плечо, и впервые ей приснилась дверь. Но в этом сне дверь была открыта, и за ней была не мама, а туман. Она смотрела в туман и не боялась. Она чувствовала только тишину.

Когда она проснулась, мама уже вернулась. Она стояла на кухне и пила кофе, глядя в окно. Катя подошла к ней и хотела обнять, но мама сделала шаг в сторону, как будто не заметила её.

— Ты вернулась, — сказала Катя.

Мама повернулась к ней и посмотрела так, как смотрят на чужого человека, который случайно зашёл в комнату.

— Я не уходила, — сказала она. — Ты просто не видела меня.

Катя стояла и смотрела на неё, и в этот момент она поняла, что они говорят на разных языках. Что мама никогда не поймёт её, потому что она не хочет понимать. И что она тоже никогда не поймёт маму, потому что она не хочет становиться ею.

Но она стала ею. Она стала той, кто уходит. Она стала той, кто не может быть рядом, даже когда он рядом. Она стала

той, кто оставляет. И она не знала, как остановиться.

Глава 4: Отец, которого не было

Катя не знала своего отца. Она даже не знала его имени — мама никогда не произносила его вслух, как будто оно было заклинанием, которое могло вызвать что-то опасное. В школьных анкетах, где спрашивали о родителях, она всегда просто оставляла пустую строчку, и учителя не настаивали. Она привыкла к этой пустоте, как привыкают к отсутствующему зубу — языком проводишь по десне, но там уже ничего нет.

Она не знала, был ли он красивым. Не знала, чем он занимался, как он смеялся, были ли у него ямочки на щеках или родинка над губой. Она не знала, был ли он высоким или низким, любил ли он книги или музыку, пил ли он кофе по утрам или чай. Она не знала, существовал ли он вообще. Она знала только одно: он ушёл, когда она была ещё крошечной, и мама никогда не говорила о нём.

Иногда, когда она оставалась одна в своей комнате, она пыталась представить его. Она закрывала глаза и рисовала в воображении мужчину с тёплыми глазами и сильными руками. Она думала, что если бы он был рядом, она не стояла

бы у двери, слушая шаги мамы, которая уходит. Она думала, что если бы он был рядом, она знала бы, что такое любовь. Но он не был рядом. И она не знала.

Однажды, когда Кате было уже четырнадцать, она не выдержала. Она сидела на кухне, пила чай, и смотрела, как мама красит ногти красным лаком, и в её голове вдруг взорвалась тишина.

— Мама, — сказала она, и голос её был ровным, как поверхность старого пруда. — Расскажи мне о нём.

Мама замерла. Она медленно подняла глаза, и в них было что-то, чего Катя никогда не видела раньше — не гнев, не боль, а пустота. Пустота, которая была глубже, чем та, которую Катя носила в себе.

— О ком? — спросила мама, и в её голосе была такая холодность, что Катя почувствовала, как воздух вокруг неё становится тоньше.

— Об отце, — сказала Катя. — О моём отце. Расскажи мне о нём.

Мама отставила лак и посмотрела на неё с той же пустотой, с той же холодной тишиной, которую Катя видела в её

глазах, когда она уходила на вечеринки. Она молчала долго, и в этой тишине Катя слышала, как тикают часы, как за окном проезжает машина, как дышит дом.

— Он ушёл, — сказала мама, и её голос был как лезвие. — Он ушёл, когда я была беременна тобой. Он не хотел детей. Он сказал, что не готов к семье. Я хотела сделать аборт, но было поздно. Он даже не знает, что ты существуешь. Он не хотел знать.

Катя смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё что-то обрывается — не как верёвка, а как нить, которая держала её на поверхности. Она хотела заплакать, но она не могла. Она была слишком пустой, чтобы плакать.

— Почему ты не сказала мне раньше? — спросила она, и голос её был тихим.

— А зачем? — ответила мама, и в её голосе появилась та усталая насмешка, которую Катя слышала, когда мама говорила о мужчинах. — Чтобы ты страдала так же, как я? Мужчины уходят, Катя. Это их природа. Они приходят, берут, что хотят, и уходят. Они не остаются. Если ты это поймёшь, тебе будет легче жить.

Катя смотрела на неё и вдруг поняла, что мама говорит

не только о её отце. Она говорит о всех мужчинах, которых она когда-либо встречала. Она говорит о любви, которая не приходит и не остаётся. Она говорит о мире, где женщины ждут у двери, а мужчины уходят за дверь.

— Но я хотела бы знать, — сказала Катя. — Я хотела бы знать, кто он.

Мама усмехнулась — той усмешкой, которая превращала её красоту в маску.

— Он никто, Катя. Он был никем. И он стал никем. Ты должна привыкнуть к этому.

Катя вышла из кухни, поднялась в свою комнату и села на пол. Она сидела там, обхватив колени, и смотрела на стену, где висела фотография мамы и бабушки — они смеялись, и бабушка держала маму за руку. Она смотрела на эту фотографию и думала: «Они тоже были молоды. Они тоже верили. И они тоже ошиблись». Она поняла, что мама не злая. Она просто сломленная. Она стала той, кто уходит первой, чтобы не видеть, как уходят от неё.

Катя пыталась представить его лицо, но оно было пустым, как комната без мебели. И она поняла, что он всегда будет пустым. И что она ищет его в каждом мужчине, который по-

является в её жизни. Она ищет отца, которого у неё никогда не было. И она никогда не найдёт его, потому что он не существует.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на ночной город. Огни мерцали, как звёзды, которые упали на землю и не могли подняться. Она подумала: «Я тоже упала. И я тоже не могу подняться. Но я не буду ждать, пока кто-то придёт и поднимет меня. Я поднимусь сама». Это была её первая мысль о свободе.

Глава 5: Мечта о столе

Было у Кати одно тайное желание, о котором она никогда не говорила никому — даже бабушке, которая знала все её секреты, даже себе самой в самые откровенные минуты, когда она стояла перед зеркалом и смотрела на свою обритую голову, пытаясь увидеть там что-то, кроме пустоты. Она мечтала о семье. Не о той, что у неё была, а о настоящей, большой, шумной семье, где все сидят за одним столом, передают друг другу хлеб, смеются над глупыми шутками и спорят, кто будет мыть посуду.

Она видела такие семьи в кино, где свет был мягким и тёплым, а музыка — банальной, но почему-то трогательной.

Она видела их в книжках, где авторы описывали воскресные обеды с таким вкусом, что у неё начинало сосать под ложечкой. Она видела их в домах одноклассников, куда её иногда приглашали на дни рождения, и она стояла в углу, сжимая в руках стакан с лимонадом, и смотрела, как они перекрикиваются, как отец семейства поднимает тост, как мать поправляет скатерть, как дети дёргают друг друга за волосы. Она была там, но её там не было. Она была как призрак, который пришёл на праздник, забыв, что он уже умер.

Там стол был не просто мебелью — он был центром мира. Он был алтарём, где совершались ритуалы любви и примирения. Он был картой, на которой каждый член семьи имел своё место. Она запоминала эти карты: где сидел отец, где сидела мать, где сидели дети. Она рисовала их в своей голове, как рисовала карты вымышленных стран, в которые она никогда не попадёт.

Она не помнила, чтобы они с мамой и бабушкой никогда не сидели за столом все вместе. Бабушка накрывала на кухне, но мама всегда была занята — то уходила, то красилась, то говорила по телефону. Когда Катя была совсем маленькой, она иногда ставила свой стульчик так, чтобы видеть мамино место, и ждала, что мама вдруг сядет рядом, как в кино. Она смотрела на пустой стул и видела там не дерево, не обивку, а целый мир, который не хотел впускать её. Она ждала. Она

ждала так долго, что стул научился смотреть на неё в ответ. Он был как зеркало, в котором отражалась её боль, и она боялась этого зеркала, но не могла отвести взгляд.

Однажды Катя придумала игру. Она расставляла на столе игрушки — зайца, медведя, куклу — и садилась во главе стола. Заяц был старым, с оторванным ухом, которое она пришила криво, но он был её любимцем, потому что она помнила, как мама оторвала это ухо в спешке, собираясь на вечеринку. Медведь был подарком от бабушки, с вытертым мехом и стеклянными глазами, которые, как казалось Кате, видели всё, что она прятала. Кукла была чужой — она нашла её на помойке, но она была самой красивой из всех, с фарфоровым лицом и закрытыми глазами, как у спящей принцессы.

Она говорила: «Папа, передай мне хлеб. Мама, как прошёл твой день? А ты, заяц, не хочешь супа?» Она разговаривала с ними, делала вид, что они отвечают, что они — её семья. Она смеялась их шуткам, ссорилась с ними, мирилась. Она знала, что это ненастоящее, но она позволяла себе эту ложь, потому что она была теплее, чем правда.

Когда бабушка заставляла её за этой игрой, она ничего не говорила. Она стояла в дверях, смотрела на внучку, и в её глазах была та же боль, которую Катя не умела читать. Бабушка не останавливала её, потому что она знала: эта игра

— единственное, что держит Катю на плаву. Она была как спасательный круг, который не может спасти, но может дать иллюзию безопасности.

Однажды, когда Катя снова разговаривала с игрушками, бабушка подошла и села напротив. Она положила свои руки на стол, и Катя заметила, как они дрожат — как дрожат руки старого человека, который знает, что не может изменить прошлое, но всё ещё верит в будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.